

Педагогические идеи А. И. Герцена.

S. I. Ganelin und O. E. Ssyrkina. — Die pädagogischen Ideen Herzens.

Im ersten Teil der Arbeit werden die sozial-politischen und ökonomischen Verhältnisse Russlands zur Zeit Herzens, welche die Ideologie der russischen Intelligenz, d. h. also auch die Herzens, bedingten, geschildert. Im zweiten Teil werden die pädagogischen Anschauungen Herzens dargelegt. Trotzdem Herzen sich nie speziell mit pädagogischen Fragen beschäftigt hat, finden sich bei ihm doch eine Reihe wertvoller Gedanken zu dieser Frage. Diese seine Anschauungen — über die Rolle der kollektiven und individuellen Grundlagen in der Erziehung, über Selbsttätigkeit, Freiheit, über die wechselseitigen Beziehungen zwischen der professionellen und allgemeinen Bildung, seine Neigung zu positivem realen Wissen hin, zu den Naturwissenschaften, als Basis der Allgemeinbildung, seine Ansichten über den schöpferischen Charakter der Wissenschaft — diese Gedanken haben ihre Bedeutung auch für die Gegenwart nicht verloren und gestatten es zu behaupten, dass Herzen ein reges Interesse für pädagogische Fragen hegte.

Либерально-буржуазная историография изображает обычно эпоху Герцена (особенно первый период его деятельности, относящийся ко второй четверти 19-го века), как период сплошной, глухой реакции, торжество самодержавного абсолютизма, когда вся Россия, крепостническая и самодержавная, была обращена в огромную казарму. В действительности же, эта реакционная эпоха является вместе с тем периодом быстрого роста русского капитализма и русской промышленности (рост металлургии, текстильного дела, появление акционерных обществ, увеличение количества фабрик и заводов, рост рабочего класса). Россия 19-го века переросла старые формы экономической жизни. Она искала новых форм.

С этой точки зрения, понятно, говорит М. Н. Покровский¹⁾, почему именно с этой эпохой связаны знаменитые 40-ые годы, расцвет русской литературы, Московского Университета, имена Белинского, Герцена, Грановского. К этому же времени относится зарождение социализма и рабочего вопроса в России. Правда, этот социализм идет не от фабрики и не от фабрично-заводского пролетариата, — первые русские социалисты, среди которых Герцен занимает не

¹⁾ М. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., М. 1924, стр. 49.

последнее место, выводят свои социалистические учения от сельской общины, но это обстоятельство имеет свое объяснение. Объективные влияния, идущие от экономического процесса, — говорит по этому поводу М. Н. Покровский, — преломляются в том или другом общественном классе или общественной группе сквозь призму интересов этого класса или этой группы.

Какова же была социально-классовая природа русской интеллигенции 19-го века, к которой принадлежал и Герцен? Эта интеллигенция состояла, главным образом, из представителей так называемых „свободных“ профессий, типичных ремесленников, работников-одиночек по роду своего труда. Не случайно, поэтому, восприняла эта мелко-буржуазная в основе своей русская интеллигенция мелко-буржуазный утопический социализм с наивной верой в социалистические начала русской сельской общины. Больше того, — сторонники утопического социализма в России не имели устойчивого взгляда даже на значение царизма. Но зато они „успокаивали свою социалистическую совесть“ тем соображением, что русский народ по самой природе своей является коммунистом. Это убеждение опиралось на существовавшую в России сельскую общину¹⁾. Взгляды Герцена на значение сельской общины и связанные с нею особенности народного быта общеизвестны. Сельская община представляла собою для Герцена „связующее звено, мост, по которому русский народ может перейти к социализму“²⁾. Этим идеям Герцен остался верен в течение всей своей жизни, и даже 48-ой год в Париже, как говорит Покровский, заставил его заразиться своей атмосферой только на одну минуту, а затем он снова вернулся к общинному мелко-буржуазному социализму. Близость Герцена к утопическому социализму вполне понятна в ту эпоху, когда учение Маркса и Энгельса еще не получило достаточного развития.

Идеология радикально-демократической интеллигенции с налетом мелко-буржуазного социализма наложила свой отчетливый отпечаток на педагогические идеи Герцена.

Народное образование в эпоху Герцена переживает известное оживление под влиянием новых условий русской экономики, а также отчасти и империалистической политики³⁾, которые не могли не выдвинуть новых задач в области народного образования. Необходимость преобразований в области просвещения сознается в известной мере и буржуазией и дворянством, поставленными новыми экономическими условиями (интенсификация сельского хозяйства, развитие фабричного производства, введение машин, железнодорожное строительство и т. д.) перед необходимостью просвещения. И правительственные круги также начинают улавливать потребности представляемых ими классов. Конечно, только классовые интересы русской буржуазии и дворянства, а не добродетельное „стремление к просвещению“ говорят устами великодержавного монарха, провозглашающего: „да здравствует повсюду и с новой силой устремление к просвещению и всякой полезной деятельности“...⁴⁾ Эти же клас-

1) Г. В. Плеханов, Сочинения, т. V, стр. 18.

2) Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, стр. 114.

3) Империалистическая политика русского правительства несомненно оказала влияние на реформу военных учебных заведений. На это указывает Плеханов, говоря об осознанной еще Николаем I-ым необходимости иметь образованных офицеров в армии. После проигрыша Крымской кампании учебная программа военных учебных заведений была значительно расширена, телесные наказания были значительно смягчены, уроки маршировки были сокращены до минимума.

4) Заключительные слова манифеста Александра II-го в 1856 г.

совые интересы русской буржуазии заставляют и министра народного просвещения Норова обещать в своем отчете „произрастание обильных плодов науки и нравственного преуспеяния на почве, ныне согреваемой царственной благодатью“¹⁾.

Во всяком случае социально-экономические условия эпохи создают благоприятную почву для либерально-педагогического движения, которое дает определенные результаты.

Заново создаются школы, учителя, педагогическая журналистика, педагогическая литература, педагогическая теория и практика. Появляются гимназии и прогимназии для мальчиков и девочек всех сословий. Существующие учебные заведения реформируются. Закладывается начало новой народной школы и научной педагогики. Возникает первое русское педагогическое общество. Создается специальная педагогическая печать („Журнал для воспитания“, „Учитель“, „Русский педагогический вестник“). Созываются учительские съезды. Предоставляется некоторая возможность участия в народном образовании частным лицам и обществам.

Общая печать посвящает делу народного образования ряд статей. В „Морском Сборнике“ появляется нашумевшая статья Пирогова, сыгравшая большую роль в истории русской педагогики. В этом же сборнике появляется статья Бема о воспитании, послужившая началом нового общественно-литературного движения; „едва ли есть предмет, столь достойный внимания мыслящего человека, как воспитание юношества“, — такова одна из основных мыслей этой статьи. Создающаяся русская педагогика обогащается новой идеей, ставшей одной из направляющих, а именно — идеей полноты развития личности и всестороннего, гармонического ее развития. Не случайно эта идея, столь характерная для буржуазно-либеральной идеологии, стала одной из господствующих в ту эпоху. Не случайно занимает она, поэтому, русскую общественность, в том числе, как увидим ниже, и Герцена.

Эта идея также является продуктом объективных социально-экономических условий. Экономический рост страны, очередные задачи в области хозяйства требуют свободы личности. Для развития новых форм жизни России было необходимо, прежде всего, скинуть с себя мертвый груз крепостного состояния²⁾. Русская промышленность середины 19-го века говорит по этому поводу Плеханов, нуждалась, в целях своего дальнейшего развития, в рабочих свободных. В раскрепощении

¹⁾ Интересно отметить, что все эти торжественные обещания производили прекрасное впечатление на „общество“, в котором господствовал розовый оптимизм.

Несмотря на то, что в этот период русской истории революция была уже „у ворот России“, по выражению Николая I, неизбежность революционного пути не была еще ясна широким кругам. В этих кругах еще сохранились иллюзии о возможности прогрессивного развития царизма и социальной его роли, как орудия ликвидации крепостного строя.

Народническая социалистическая интеллигенция, не имевшая классовой ориентации, наивно поверила в благие намерения правительства. Даже такой умный политик, как Чернышевский, перепечатал этот отчет министра Народного Просвещения в „Современнике“ в уверенности, что „читателям будет приятно с новой благодарностью Монарху припомнить весь ряд тех знаков Державного внимания к развитию нашего просвещения, которыми так прекрасно ознаменован был истекший (1855-ый) год“ (Н. Г. Чернышевский, собр. сочин. т. II, Петр. с 1918 г., стр. 561 — 562). Правда, этот оптимизм объясняется тем, что требования, выдвинутые интеллигенцией, носили весьма скромный характер; они были очень выразительно сформулированы тем же Чернышевским, с точки зрения которого они заключались, прежде всего, в „увеличении числа учащихся и выучивающихся, усилении научной и литературной деятельности, продолжении железных дорог и разумном распределении экономических сил“. Отзвуки этих настроений слышатся и у Герцена.

²⁾ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. V, стр. 6 — 7.

личности, т.-е. в отмене крепостного права, были заинтересованы как промышленность, так и сельское хозяйство, и радикальная русская интеллигенция нашла в связи с этим благоприятные условия для нового лозунга: пробуждение в русском человеке человеческого достоинства, подавленного и затоптанного многовековым гнетом!

Даже дворянство, наиболее склонное к поддержанию старого порядка, „было в отдельных своих частях выведено из состояния косности“, по выражению Луначарского. Заинтересованное в прогрессе сельского хозяйства, в росте хлебной торговли, оно высказывало иногда анти-крепостнические тенденции и воспринимало, как внешние формы, так и некоторые идеи европейской культуры, развивавшейся в свою очередь в сильнейшей зависимости от растущего капитализма, и при том в его более зрелой форме. Поэтому и осознали некоторые представители помещичьего класса именно в эту эпоху необходимость иного отношения к человеческой личности. Так, напр., Ширинский-Шихматов в своих „Письмах о благородной девице“ пишет: „предрассудок, по которому многие господа почитают рабов (т.-е. крепостных, авт.), сотворенными единственно для служения им, подобно тому, как служат им бессловесные их слуги, так вкоренился в нашем (т.-е. помещичьем, авт.) классе, что не мало будет стоить труда воспитательнице не допустить оному овладеть юной своей воспитанницей.“¹⁾

Либерально-буржуазная педагогика развивается под лозунгом человечности в воспитании. Она выступает с требованием освобождения детской личности, мягкости в отношении к детям и произносит много красивых слов о „правде“, „справедливости“ и „любви“ в области нравственного воспитания.

Так, Пирогов в своей знаменитой статье, говорит о том, что „нужно отыскать самое удобное и естественное направление, которым должно вести наших детей, готовящихся принять на себя высокое звание человека“, что нам нужно, „прежде всего, научиться быть людьми“, т.-е. что „цель всего воспитания есть развитие в воспитываемом человечности“²⁾.

¹⁾ Цит. по П. Ф. Каптереву, История русской педагогики, изд. 2-ое, 1915 г., стр. 383 — 384.

²⁾ Не лишено пикантности то обстоятельство, что эти „общечеловеческие“ основы воспитания и высокую оценку личности Пирогов сочетал, в соответствии с устремлениями официальной русской педагогики, с полным признанием телесных наказаний в средней школе, правда, строго регламентированных для каждого случая определенными „правилами“. Невольно вспоминается известное стихотворение Добролюбова, под названием „Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не киевского округа“ (Сочинения Н. А. Добролюбова под ред. М. К. Лемке, т. IV, стр. 134), в котором гимназист, размышляющий об ожидающем его наказании за то, что он „очень вольно“ отстаивал Лютера, заканчивает свои размышления следующим образом:

„Я б хотел, чтоб для меня собрался
Весь педагогический совет,
И чтоб долго препирался,
Сечь меня за Лютера иль нет.
Чтоб потом табличку наказаний
Показавши молча на стене,
Дали мне понять без толкований
Что достоин порки я вполне.
Чтоб узнал об этом попечитель, —
И, лежа под свежею лозой,
Я бы знал, что наш руководитель
В этот миг скорбит о мне душой...“

Эта „дума“ пользовалась большой популярностью и немало способствовала успеху большой и очень резкой статьи Добролюбова („Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами“, там же, т. III), направленной против Пирогова и написанной Добролюбовым после опубликования Пироговым „Правил о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа“ („Журнал для воспитания“, 1859 г., № XI).

Тем не менее интересно отметить, что эти прогрессивно-общественные движения в эту эпоху, полную классовых противоречий и разнообразных социальных группировок, идут параллельно с реакционными течениями, представляемыми, главным образом, дворянством. Самодержавие, несмотря на внешнее заигрывание с массами, кажущийся либерализм и вступление на путь реформ, судорожно боролось с радикально-общественными течениями.

Поэтому именно в эту эпоху и складываются основные принципы внутренней российской политики, получившие свое отчетливое выражение и формулировку в классическом циркуляре назначенного (1833 г.) на пост министра Народного Просвещения Уварова, выступившего с требованием построения народного образования „в соединенном духе православия, самодержавия и народности“.

Этим трем началам суждено было сыграть в русской истории гораздо большую роль: они определили не только политику царизма в области народного образования, но и всю дальнейшую официальную политику России. Особенное значение приобрел третий член формулы, ставший спорным термином эпохи.

Совершенно понятно, каково могло быть отношение Герцена, этого представителя „третьего сословия“, позитивиста в своем научном мировоззрении, одного из первых русских социалистов, к первым двум членам этой формулы. Что же касается понятия „народности“, то Герцен отрицает понятие народности не только в ультра-консервативном смысле, сводившем понятие народности к сохранению крепостного права и связанных с ним форм жизни, но и в более прогрессивном толковании славянофильства. Смысл русской истории Герцен видит в „секуляризации царской власти и общеевропейском образовании“¹⁾.

Эту необходимость европейского образования для России Герцен сознавал совершенно определенно. Поэтому мы находим у него — в противовес славянофилам²⁾, — этим „Московским литературным старообрядцам, этим православным иезуитам“, наводящим уныние на всякого живого человека³⁾, по выражению Герцена, положительное отношение к европейскому образованию. Герцен определенно говорит, что русский народ, этот „ленивый народ — славянин“⁴⁾, нуждается в сильной, энергичной мысли Запада. Даже те социалистические начала, которые содержатся в самой русской жизни и которые, по мнению Герцена, составляют преимущество России по сравнению с Западом, — нуждаются в культуре Запада. „Славянский мир никогда не сумеет развить свою дикую, врожденную социалистическую основу без той революционной идеи, которая парит над Западом“.

1) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, т. VIII, стр. 432. В данной статье Герцен цитируется везде по полному собранию сочинений и писем А. И. Герцена под редакцией М. К. Лемке, Госиздат.

2) В целях сравнения достаточно указать на педагогические воззрения славянофилов (Киреевского, Самарина, Хомякова), проникнутые национально-патриотическим и церковно-православным туманом. „Корень образованности России живет в ее народе, что всего важнее он живет в святой Православной Церкви. Поэтому, на этом только основании и ни на каком другом, должно быть воздвигнуто прочное здание просвещения в России“ (И. В. Киреевский, О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению). „Воспитание, чтобы быть русским, должно быть согласно с началами не богобоязненности вообще и не христианства вообще, но с началом православия, которое есть единственное и истинное христианство...“ (А. С. Хомяков, Об общественном воспитании в России).

3) Еще вариация на старую тему, т. VIII, стр. 496.

4) Письмо к Ж. Мишле, т. VIII, стр. 190.

В понимании проблемы народности мы не находим у Герцена, как и во всех высказываниях народнической интеллигенции, научного подхода, основанного на знании экономики. Справедливо отмечает Плеханов¹⁾, что экономические познания интеллигенции того времени были весьма невелики²⁾. Вместо надежного метода экономических исследований, Герцен, как и все представители утопического социализма, обосновывал свое понимание народности „любовью“ к народу, и эта любовь помогала русской интеллигенции справляться со всякого рода теоретическими трудностями.

Поэтому в политической области мелко-буржуазная интеллигенция, в том числе и Герцен, держалась довольно наивной точки зрения, полагая, что „образованные классы“, т.е. интеллигенция, в состоянии влиять своим вмешательством на развитие исторического процесса. Интеллигенции этой эпохи, этому „вестнику новой России, объявляющему старому порядку войну не на живот, а на смерть и в этой войне берущему на себя опасную роль авангарда“, приходилось начинать борьбу на собственный риск; рабочий класс, пролетарии физического труда еще не выступили на политическую арену, как самостоятельная сила. Естественно, что перед Герценом возникла проблема активной и действительной личности и активно-действенного коллектива, и пресловутая идея народности связывалась в понимании Герцена с идеей активности, действительности.

Герцен призывал „образованную Россию возвратиться к народу“. Каких же образованных людей ждет народ? Герцен отвечает на этот вопрос следующим образом: „народ ждет не книг, а людей, у которых вера, воля убеждение и сила совпадают во-едино, людей, никогда не разрывавших с ним, людей, не выходящих из него, но действующих в нем и с ним с откровенной, непоколебимой верой и с ничем не отвлекаемой преданностью“. И в связи с этим Герцен спрашивает: „не пора ли развязать себе руки и слово для действия и примера, не пора ли разбудить дремлющее сознание народа?.. Открытые, откровенные действия необходимы“³⁾.

Этот активно-действенный коллектив, о котором говорит Герцен, невозможен без активно-действенной личности. И пресловутая проблема сочетания индивидуализма и универсализма, проблема, не случайная для идеологии либерально-буржуазной интеллигенции 19-го века, — захватила и Герцена⁴⁾. Проблема личности, гармонического, всестороннего ее развития, выдвинутая, как указывалось выше, всеми условиями эпохи, занимает видное место в педагогических высказываниях Герцена. В духе ультра-индивидуалистических традиций интеллигенции Герцен рассматривает человеческую личность, как „святую святых“, как „самодовлеющую ценность“. Подчинение человеческой личности какой-либо внешней цели Герцен считает несправедливым. Человек имеет право на самоопределение, на эгоизм. Эгоизм — это „грунт всего человеческого“, говорит он, но эгоизм может принимать формы „высшей гуманности“. Условиями же для этой „гуманности“ являются широта и всесторонность личности. Между тем эта широта личности невозможна, если личность сосредоточена только на инди-

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. V, стр. 20.

²⁾ Так, Белинский в своих статьях не затрагивал экономических вопросов, а Герцен оставался до самой своей смерти при твердом убеждении, что Прудон был великим экономистом.

³⁾ С того берега, т. V, стр. 390.

⁴⁾ Индивидуализм, социализм и позитивизм — вот те три начала, из которых составляется „стальной каркас Герценовского мирозерцания“, по выражению Сакулина.

видуальном и отрекается от общего. „Эгоизм развитого мыслящего человека благороден: он-то и есть его любовь к науке, к искусству, к ближнему, к широкой жизни, к неприкосновенности“¹⁾.

„Личность человека не замкнута; она имеет широкие ворота для выхода“²⁾, — а именно, ворота, ведущие в сферу общих интересов. „Необходимо раскрыть свою душу всему человеческому, страдать и наслаждаться страданиями и наслаждениями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словом, развить эгоистическое сердце во всех скорбящее“.

Таким образом, для Герцена „эгоизм“ и „общественность“ — вовсе не враждебные друг другу начала, „не добродетели и не пороки“, — напротив, это — „основные стихии жизни человеческой, без которых не было бы ни истории, ни развития“; эти „два неотемлемые начала жизни человеческой“ надо „сочетать гармонически“³⁾.

Проблема взаимоотношения личного и общественного занимала одно из основных мест в идеологии буржуазно-демократической интеллигенции 19-го века. И для Герцена, и для Огарева, и для Белинского эти вопросы были связаны с проблемой социализма. И это не случайно для представителей социалистических направлений, опирающихся не на классы, а на личности. Так, Огарев ставит задачей общества — „сохранить при высочайшем развитии общественности полную свободу индивидуальную“; Белинский ставит человеческую личность „выше истории, выше общества, выше человечества“. И Герцен полагает, что разрешение проблемы личности, станет возможным лишь тогда, когда на земле воцарится социалистический строй. Социализм *imprécite* заключает в себе индивидуализм.

Из этих своих общих взглядов Герцен делает, конечно, все нужные выводы в области воспитания. Мы не найдем у него определенной формулировки цели воспитания, выраженной в педагогических терминах. Но тем не менее характерная для него общая любовь к жизни, к деятельности, к борьбе дает полную возможность утверждать, что весь смысл, вся цель воспитания, в понимании Герцена, — в развитии сильной индивидуальности, в раскрытии всей полноты человеческой личности. „Цель жизни-жизнь“⁴⁾ выразительно говорит Герцен. Но одновременно он не забывает, что личность предназначена для жизни в обществе. Общественное начало жизни, служение народу — настолько общеизвестные и основные мотивы сочинений Герцена, что нет надобности еще раз на них указывать. Что же касается общественного начала специально в воспитании, то этого вопроса Герцен касается, критикуя педагогическую систему Жан-Жака Руссо, сторонника индивидуалистического воспитания, с точки зрения Герцена⁵⁾. „Дикий пред-
рассудок нормального человека“, говорит Герцен, „к которому стремились последователи Жан-Жака, отрешая ребенка от исторической среды, — делал его в ней иностранцем, как будто воспитание не есть привитие родовой жизни лицу“. Одна из основных задач воспитания, с точки зрения Герцена, — развитие общественных чувств в человеке, установление тесной связи с окружающей средой.

1) Капризы и раздумье, т. V, стр. 23.

2) Капризы и раздумье, т. III, стр. 257.

3) С того берега, т. V, стр. 481 — 482.

4) Дневник, т. III, стр. 32.

5) Вспомним, что в новейшей историко-педагогической литературе Руссо обычно не рассматривается более, как принципиальный противник общественного воспитания. Почти все новейшие историки педагогики подчеркивают, что Руссо считал необходимым изъятие воспитанника только из современного ему общества.

Интересно отметить, что из писателей-педагогов мы находим у Герцена неоднократные ссылки именно на Руссо. Это объясняется отчасти большой популярностью Руссо среди широкой публики, неспециалистов, но также и тем, что своеобразная идеология Руссо, его стремление уйти от общественной жизни в природу вызывали резкий протест Герцена. Вот, что пишет Герцен по этому поводу: „Руссо, говоря, что все выходит хорошим из рук природы и все искажается человеком, соврал... потому осудил он человеческое, что стоял на краю изжитого и избитого мира. Нет, именно человеком-то усугубляется прекрасное природы.“¹⁾

Нет сомнения в том, что Герцен был близок к идеям гармонического развития личности. Хотя и здесь мы не найдем у него формулировки этого требования в педагогических терминах, но его основные идеи — полной жизни, жизни, деятельной и разумной, безусловно приближают его к этому идеалу. „Человек создан, чтобы думать и любить“, говорит он. „Образованный человек не считает ничего человеческого чуждым себе: он сочувствует всему окружающему“. „В разумном, нравственно-свободном и страстно-энергическом деянии человек достигает в действительности своей личности и увековечивает себя в мире событий“²⁾... „Деяние, а не наука — цель человеческой жизни“...

Этот подход Герцена к образованному человеку, как человеку, умеющему мыслить, чувствовать и действовать и приближает его к модному в ту эпоху взгляду на воспитание, как на гармоническое воспитание ума, воли и чувства.

Формула гармонического развития личности с ее триадой „ум, воля и чувство“ считалась одним из наиболее передовых достижений либеральной педагогики 19-го века. Не случайна, поэтому, та высокая оценка, которую давал Герцен педагогическим идеалам Пирогова; увлечение Пироговым Герцен разделяет со всеми лучшими представителями русской общественной жизни³⁾. Основные воззрения Пирогова, его взгляды на общечеловеческие основы воспитания, высокая оценка личности и ее прав находят также горячую поддержку у Чернышевского, Добролюбова и Писарева.

В полном соответствии с общечеловеческими идеалами Пирогова, его преклонением перед общим образованием и протестом против узкой специализации Герцен разрешает проблему о взаимоотношении общего и специального образования. Он неоднократно указывает на то, что нужно сочетать образование общее с образованием специальным. „Практическая часть может сделать специалиста (и нужно быть специалистом)“, говорит Герцен: „чтение и наука делают человека полного“⁴⁾.

А в другом месте Герцен резко восстает против „ремесленничества науки“ и призывает к „общему очеловечению, которое именно и называется „humaniora“. „Воспитать себя сколько-нибудь и в эту сторону“⁵⁾ — он считает совершенно необходимым. Также в своих высказываниях в отношении системы английского воспитания, построенного на основе почти исключительно специального образования, Герцен

¹⁾ Письмо к Н. Х. Кетчеру, т. III, стр. 432.

²⁾ Дилетантизм в науке, т. III, стр. 202, 218.

³⁾ Позднее Герцен был глубоко возмущен отставкой Пирогова. „Отставка Н. И. Пирогова — одно из мерзейших дел России.“ (Киевский университет и Н. И. Пирогов, т. XI, стр. 104).

⁴⁾ Письмо к сыну, т. IX, стр. 543.

⁵⁾ Письмо к сыну, т. IX, стр. 348.

отчетливо подчеркивает свое отрицательное отношение к подобной системе воспитания.

Это отрицательное отношение Герцена к проблеме узко специального образования в ту эпоху, когда все „предметы учения“ официальной школы и „самые способы преподавания были по возможности сообразуемы с будущим вероятным предназначением обучающихся“, по выражению официального рескрипта, заслуживает большого внимания.

Педагогические высказывания Герцена по вопросам гармонического воспитания и взаимоотношения общего и профессионального образования весьма далеки от марксистского разрешения этих вопросов. Несмотря на то, что уже в эпоху Герцена были сформулированы некоторые принципы будущей марксистской педагогики (высказывания Маркса и Энгельса), Герцен разрешил эти вопросы в полном соответствии с буржуазной педагогикой этого времени. Он далек от идей гармонического воспитания на трудовой основе и проводит, поэтому, характерное для буржуазной педагогики резкое разграничение между так называемым „общим“ и „профессиональным“ образованием.

В сочинениях Герцена мы находим жестокую критику с временного ему воспитания, как домашнего, так и школьного. Воспитание домашнее — это воспитание в разлагающей атмосфере крепостного права.

„Разве каждый господский дом не представлял полную школу рабства, разврата и тиранства, отсутствие всякого уважения к седым волосам, всякого сожаления к детскому возрасту, к девичьему стыду?“ говорит Герцен: „Чему же удивляться, что окончившие курс воспитания в этих заведениях несут на всю жизнь следы его?“¹⁾ Герцен прекрасно понимал, что вся внешняя полировка, даваемая детям при помощи гувернеров и гувернанток, остается только внешней полировкой, а настоящее развитие совершается под непосредственным воздействием окружающей среды, окружающей жизни. „Конюшня родительского дома учила красноречиво, натура рабовладельца не так легко затыкается за пояс французской грамматики“,²⁾ выразительно восклицает он. Об отрицательных результатах домашнего воспитания Герцен неоднократно говорит в целом ряде своих произведений (Столыгин — в повести „Долг прежде всего“, Левка — в повести „Доктор Крупов“, воспитание самого Герцена и его жены в „Былом и думах“ и даже воспитание Бельтова — в повести „Кто виноват“, основанное на принципах Руссо). Он резко критикует педагогов — дилетантов, не понимающих детской природы и не имеющих определенных принципов воспитания.

Не лучше обстоит дело, полагает Герцен, и в отношении школьного воспитания в России, где „школы задавлены надзором и попами“³⁾. Школьное воспитание, с точки зрения Герцена, только продолжает то, что было начато домашним. „Вся система казенного воспитания“, говорит Герцен, „состояла во внушении религии слепого повиновения, ведущей к власти, как к своей награде. Молодые чувства, лучистые по натуре, были грубо оттесняемы внутрь, заменялись честолюбием и ревнивым, завистливым соревнованием... Вместе с жгучим самолюбием прививалась какая-то обескураженность, сознание бессилия, усталость перед работой“⁴⁾.

¹⁾ Ответ Гарибальди, т. XVII, стр. 37.

²⁾ VII лет, т. XVII, стр. 297.

³⁾ Письмо к Н. П. Огареву, т. XIX, стр. 39.

⁴⁾ Былое и думы, т. XIII, стр. 600.

Отражая прогрессивные тенденции педагогики 19-го века, Герцен резко нападает на жестокую дисциплину, шаблонизацию, рутину, подавление всякой самостоятельной мысли в современной ему русской школе, а в особенности в школе Николаевского периода.

„Одно из ужаснейших посягательств прошлого царствования“, говорит он, „состояло в его настойчивом стремлении сломить отроческую душу. Правительство подстерегало ребенка при первых шагах в жизни и развращало кадета-дитя, гимназиста-отрока, студента юношу. Беспощадно, систематически вытравило оно в них человеческие зародыши, отучало их, как от порока, от всех людских чувств, кроме покорности. За нарушения дисциплины оно малолетних наказывало так, как не наказывают в других странах законсервованных преступников“¹⁾.

Действительно, историки народного образования свидетельствуют о том, что отмена телесных наказаний в школе, установленная положением 1794 года, существовала только в теории, и приводят множество доказательств не только употребления телесных наказаний, но даже и неслыханной жестокости в их применении.

Герцен вполне правильно и метко улавливает все недостатки современной ему школы. Так, он указывает на то, что школа не развивает любви к творческой работе, не культивирует самостоятельности. Она лишь снабжает учащихся мертвым, книжным балластом, при котором „они знают, не понимая, и принимают названия за определения“.

„Пока умы оставались в тоске и тяжелом раздумье, не зная, как выйти, куда идти, Николай шел себе с тупым, стихийным упорством, затапливая все нивы и все всходы. Знаток своего дела, он с 1831 г. начал воевать с детьми: он понял, что в ребяческом возрасте надобно вытравливать все человеческое, чтобы сделать верноподданных по образу и подобию своему. Воспитание, о котором он мечтал, сложилось. Простая речь, простое движение, считалось такой же дерзостью, преступлением, как раскрытая шея, как расстегнутый воротник. И это продолжалось тридцать лет.“²⁾ „Отраженный в каждом инспекторе, директоре, ректоре, дядьке — стоял Николай перед мальчиком в школе, на улице, в церкви, даже до некоторой степени в родительском доме, стоял и смотрел на него оловянными глазами без любви, и душа ребенка ныла, сохла, и боялась, не заметят ли глаза какой-нибудь росток свободной мысли, какое-нибудь человеческое чувство,“ — так характеризует Герцен мертвую, бездушную школу Николаевской эпохи. Аналогичную оценку этой школы мы находим у русских писателей и публицистов 19-го века (Помяловский, Щедрин, Аксаков, Писемский). Такова та уничтожающая критика, которой подвергает Герцен современную ему школу.

В свою очередь он выступает с рядом принципиальных требований по вопросам педагогики. Принципы воспитания, сформулированные им, вполне соответствуют идеологии радикально-демократической интеллигенции второй половины 19-го века. Жизненность, самостоятельность, свобода — таковы педагогические лозунги современной Герцену либеральной педагогики, развивающейся в условиях быстрого роста промышленного класса буржуазии, класса, нуждающегося в активности и свободе для своего развития, в жизненной школе в целях укрепления промышленности. И эти лозунги были в полной мере восприняты Герценом.

¹⁾ 1860, т. X, стр. 193.

Лишние люди и желчевики, т. X, стр. 417.

Основным принципом воспитания он считает жизненность.

Несмотря на схоластицизм, господствовавший в современном Герцену воспитании, он горячо протестует против оторванности школы от жизни и против такого знания, которое не основано на непосредственном, жизненном ознакомлении с предметом. Он проповедует идею соответствия воспитания потребностям жизни, страны, эпохи. „Важнейшее дело воспитания состоит в приспособлении молодого ума к окружающему... для каждой эпохи, для каждой страны, еще более для каждого сословия, и, может быть, и для каждой семьи должно быть свое воспитание“.

Исходя из жизненности, как основного принципа воспитания, Герцен, естественно, придавал исключительное большое значение окружающей среде, как фактору, направляющему воспитание по определенному пути. „Среда, в которой человек родился, эпоха, в которой он живет“, говорит Герцен, „его тянут участвовать в том, что делается вокруг него, продолжать начатое его отцами; ему естественно привязываться к тому, что его окружает, — он не может не отражать в себе, собою, своего времени и своей среды“¹⁾.

Есть много общего между взглядами Герцена и социалистов — утопистов, в частности Оуэна, на значение среды, как момента, определяющего поведение человека, а в связи с этим и в подходе к воспитанию, как к средству преобразования общества, которое коренным образом изменяется в результате надлежаще организованной среды, окружающей человека с детства, т. е. в результате надлежащей организации воспитания. Недаром педагогические начинания Оуэна, одного из величайших социальных реформаторов 19-го века, так живо интересовали Герцена. „Характер человека существенно определяется обстоятельствами, окружающими его. Но эти обстоятельства общество может легко так устроить, чтобы они способствовали лучшему развитию умственных и практических способностей, сохраняя притом все бесконечное разнообразие личностей и соображаясь с многообразием физической и умственной натуры“, — вот те слова Оуэна, к которым безоговорочно присоединяется Герцен.

В полном соответствии с современной педагогикой, он категорически утверждает, что характер человека зависит в значительной мере от условий его жизни, среды и воспитания. С его точки зрения, формирование личности происходит, прежде всего, под влиянием социального фактора. И нет сомнения в том, что основные мысли утопического социализма, стремившегося к мирной реформе социального строя на основе культурной революции, рассматривавшего воспитание, как „главный путь водворения нового порядка“, привлекают симпатии Герцена²⁾.

Наряду с принципом жизненности Герцен выдвигает и другой принцип воспитания — принцип свободы и самостоятельности. Основоположник народничества, сторонник общественной самостоятельности и активности, Герцен поддерживает идею активности и свободы во всех сферах жизни. Он постоянно говорит о том, что человеку „мало блаженства спокойного созерцания и видения“, „ему хочется полноты упоения и страданий жизни, ему хочется действия, ибо одно действование может вполне удовлетворить человека. Действование — сама личность“³⁾. Он указывает на то, что нужен „разумный выход для

¹⁾ С того берега, т. V, стр. 473.

²⁾ Былое и думы, т. XIV, стр. 480, 481, 499.

³⁾ Дилетантизм в науке, т. III, стр. 216.

накопляющихся сил“, что „человек не может отказаться от участия в человеческом деянии, совершающемся около него; он должен действовать в своем месте, в своем времени, — в этом его всемирное призвание“¹⁾. Мы опять таки не находим у Герцена педагогической формулировки принципа самостоятельности, но тем не менее нет сомнения в том, что этот принцип вполне разделялся им. Так, критикуя современное ему воспитание, Герцен говорит, что оно осталось „воспитанием памяти, более, нежели разума, воспитанием слов, а не понятий, воспитанием слога, а не мысли, воспитанием авторитетами, а не самостоятельностью...“,²⁾ и в результате человек получает „сумму готовых истин“, выходит с ними в жизнь и, лишенный активности и самостоятельности, пассивно принимает то, что ему преподносит жизнь.

О предоставлении детям максимальной свободы Герцен говорит неоднократно.

Свобода, с его точки зрения, — основной, разумнейший принцип воспитания. „Насильно образовывать — это одна из гибельнейших идей, в силу которой бездушной дрессировке и фельдфебельской выправке дается вид благоденствия“³⁾, говорит Герцен. И в другом месте: „Я полагаю, что разумно признание своеволия есть высшее нравственное признание человеческого достоинства и что до него и домогаются все“⁴⁾. Он горячо призывает к максимальной свободе в мысли, в восприятии жизни, во всем росте и развитии человека. „Дайте же хоть одному поколению, пресловутые просветители, воспитаться человечески, глядя всему в глаза, безбоязненно говоря свою мысль, открыто рукоплеская, открыто собираясь, так, как это делается в Англии, во всякой школе“⁵⁾.

Особенно много чрезвычайно прочувствованных страниц посвящено Герценом свободной, творческой мысли. Он резко нападает на инертность, косность и леность мысли, слепо подчиняющейся авторитету. Он восстает против „цепи привычек“, сковывающих человеческую мысль. „Привычка — великое дело, это — самая толстая цепь на людских ногах“, говорит он: „Она сильнее убеждения, таланта, характера, страстей и ума“⁶⁾. Инертность мысли неизбежно связана с созданием кумиров — авторитетов, указывающих путь в жизни. „Лень и привычка — два несокрушимые столба, на которых покоится авторитет. Авторитет представляет собственно опеку над недорослем. Лень людей так велика, что они охотно признают себя несовершеннолетними или безумными, лишь бы их взяли под опеку“⁷⁾. „Авторитет убивает независимость разума“.

Таким образом воспитание должно основываться, с точки зрения Герцена, на свободе и самостоятельности и должно решительно отстранять привычку, шаблон и авторитет, независимо от того, каков этот авторитет — „палка, к которой привязана козлиная борода“, шайтан вотяка, или же „страшный призрак“ немецкой науки⁸⁾.

Итак, основа воспитания — самостоятельность и свобода. Но Герцен далек от идей „свободного воспитания“ в духе крайних сторонников этой теории. Мы находим у него даже следующую мысль —

1) Дилетантизм в науке, т. III стр. 223.

2) Публичные чтения г-на профессора Рулье, т. IV, стр. 378.

3) Война, т. X, стр. 5.

4) Капризы и раздумье, т. V, стр. 23.

5) 1860, т. X, стр. 194.

6) Капризы и раздумье, т. IV, стр. 397.

7) Капризы и раздумье, т. V, стр. 17.

8) Там же, стр. 19.

„предоставление свободы“ (он имеет в виду неограниченную свободу, авт.) — дело опасное и вредное; при этом Герцен подчеркивает, что этот вывод для него не случаен, — „я об этом много думал в течение двух лет“¹⁾, говорит он.

Свобода для Герцена есть свобода в дисциплине. Дисциплина в воспитании, с его точки зрения, совершенно необходима. „Без дисциплины“, говорит он: „нет ни спокойной уверенности, ни повиновения, ни способа оградить здоровье, ни предупредить опасность“²⁾. Что же касается наказаний, и особенно телесных наказаний, широко практиковавшихся в современной Герцену школе, то, с его точки зрения, они являются результатом неумелого воспитания. „Уж не оттого-ли люди истязуют детей, а иногда и больших, что их так трудно воспитывать, а сечь так легко? Не мстим ли мы наказанием за нашу неспособность?“ восклицает он.

Самодеятельность и свобода, к которым призывает Герцен во всех сферах жизни и мысли, вводятся им и в сферу чистой науки. Пассивно-созерцательный характер науки, типичный для научной мысли современной Герцену эпохи, его совершенно не удовлетворял, и он горячо призывал уйти от науки, оторванной от жизни, занимающейся „несуществующим в реальности потусторонним миром, логическими фантазиями“, — в мир живой действительности.

Герцен порицал отрыв науки от „грубой толпы“, он критиковал науку, которая, „вырвавшись из школ и монастырей, не вошла в жизнь, а прошла по ней, как Фауст, чтоб посмотреть, порефлексировать и потом удалиться от грубой толпы в гостинные, в академию, в книги“³⁾, и с иронией относился к ученым — профессионалам, которых он подразделяет на „дилетантов“, „буддистов“, и „цеховых ученых“; он с удовлетворением отмечал, что „современная наука начинает входить в ту пору зрелости, в которую обнаружение, отдание себя всем становится потребностью. Ей скучно и тесно в аудиториях и конференц-залах, она рвется на волю, она хочет иметь действительный голос в действительных областях жизни“⁴⁾.

В этих мыслях Герцена заключается резкий протест против метафизического и схоластического характера научного знания и стремление к приданию ему активно-действенного, практического значения.

Мистика, идеализм, романтика становятся врагами Герцена. Его мировоззрение — рационалистическое, разрывающее с миром преданий, суеверий, авторитета. „Честный союз науки с религией невозможен“⁵⁾, говорит он. С другой стороны, мировоззрение Герцена, несомненно, в основе своей — мировоззрение позитивистическое.

Герцен настойчиво указывает на значение естествознания, как необходимейшего элемента для выработки мировоззрения, поскольку источником всякого позитивистического мировоззрения, положительного знания, могут быть только естественные науки. „Надобно втолкнуть их (естественные науки, авт.)“ — пишет он — „в поток общественного сознания, надобно их сделать доступными, надобно им дать форму живую, как жива природа, надобно им дать язык откровенный, простой, как ее собственный язык, которым она разворачивает бесконечное богатство своей сущности в величественной и стройной про-

¹⁾ Письмо к М. Мейзенбуг, т. IX, стр. 64.

²⁾ Письмо к М. Мейзенбуг, т. VIII, стр. 100.

³⁾ С того берега, т. V, стр. 396.

⁴⁾ Дилетантизм в науке, т. III, ст. 194.

⁵⁾ Концы и начала, т. XV, стр. 286.

стоте. Нам кажется почти невозможным без естествоведения воспитать действительное, мощное умственное развитие; никакая отрасль знаний не приучает так ума к твердому положительному шагу, к смирению перед истиной, к добросовестному труду и, что еще важнее, к добросовестному принятию последствий такими, какими они выйдут, как изучение природы; им бы мы начинали воспитание для того, чтобы очистить отроческий ум от предрассудков, дать ему возмужать на этой здоровой пище и потом уже раскрыть для него, окрепнувшего и вооруженного, мир человеческий, мир истории, из которого двери отворяются прямо в деятельность, в собственное участие в современных вопросах¹⁾.

Все высказанное здесь Герценом интересно и актуально поныне: и мысль о важности естественных наук для общественной жизни, для „общественного сознания“, и мысль о том, что естественно-научное знание должно быть доступным, должно преподноситься в живой, простой форме, и мысль о том, что естествознание — основа научного мировоззрения, что естествознание — мощное средство для борьбы против предрассудков, что естествознание предшествует изучению общественных явлений и является необходимым элементом для подготовки активного, деятельного участника общественной жизни.

Нам понятно, поэтому, убеждение Герцена в том, что „без естествознания нет спасения современному человеку“, что „без этой здоровой пищи, без этого строгого воспитания мысли фактами, без этой близости к окружающей нас жизни, без смирения перед ее независимостью — где-нибудь в душе остается монашеская келья и в ней мистическое зерно, которое может разлиться темной водой по всему разумению“²⁾. Опыт, эмпирия должны служить основой знания.

Если мы перейдем теперь к содержанию образовательного процесса и попробуем изложить точку зрения Герцена на сравнительное значение отдельных областей знания, необходимых человеку, то очевидно, что приоритет Герцен предоставляет естествознанию, которое является, с точки зрения Герцена, основой человеческого образования.

Но изучение естествознания, полагает он, немыслимо без основательного знакомства с математикой. „Математика необходимо должна входить во все отрасли естествоведения; количественные определения чрезвычайно важны, почти всегда неразрывны с качественными... Математика вносит в естествоведение логику *à priori*, ею эмпирия признает разум; выразив простым языком ее законы, ряды явлений раскрывают неподозреваемые соотношения и последствия, не сомневаясь в действительности вывода“³⁾.

Тем не менее Герцен придает значение и изучению гуманитарных наук — истории и литературы, хотя первенство, а, главное, бесспорность научного знания принадлежит, по его мнению, безусловно естествознанию.

„История очень полезна, очень интересна, но по нынешнему времени это — не наука. Единственная наука, которая существует, это — наука о природе с ее математической основой. Соперничество между ними так же невозможно, как и их сравнение“⁴⁾.

¹⁾ Публичные чтения г-на профессора Рулье, т. IV, стр. 376.

²⁾ Не приходится специально останавливаться на том, что религиозное воспитание не существовало для атеиста Герцена.

³⁾ Письмо об изучении природы, т. IV, стр. 158.

⁴⁾ Письмо к М. Мейзенбуг, т. XXI, стр. 140.

История и литература имеют, главным образом, общеобразовательное значение. Они вводят ребенка и юношу в жизнь человечества. С этой точки зрения, Герцен придает исключительно большое значение самостоятельному чтению. „Без чтения нет настоящего образования, нет и не может быть ни вкуса, ни слога, ни многостороннего миропонимания. Гете и Шекспир равняются целому университету. Чтением человек переживает века, не так, как в науке, где он берет последний очищенный труд, а как попутчик, вместе шагая и сбиваясь с дороги. Чтение газет и журналов очень хорошо, но я говорю о книгах, о нескольких книгах, без которых человек не есть полный человек“¹⁾.

Особенное значение придавал Герцен классической литературе, „вечным книгам“, по его выражению, — Шекспиру, Гете, Данте, Гомеру, Софоклу²⁾.

Мысли Герцена по вопросу о содержании образования не потеряли актуальности и для сегодняшнего дня. Современная политехническая школа, от которой был так далек Герцен, также считает своим основным стержнем изучение естествознания, основательное знакомство с природой, как производительной силой, на которой базируется техника. Своим преклонением перед естествознанием, своим признанием его исключительного значения для образования Герцен значительно опередил современную ему эпоху с типичным для нее классицизмом.

Не лишены интереса и замечания методического характера, разбросанные в отдельных сочинениях Герцена. Основное положение Герцена сводится к тому, что „ни трудных, ни скучных наук вовсе нет, если их начинать сначала и идти в каком-нибудь порядке“. Некоторые трудности представляют только основы каждой науки, ее азбука. „Всякая наука имеет свою азбуку, далеко не так сложную, как настоящая“, говорит Герцен, „через нее надобно пройти“³⁾. Таким образом правильно поставленное преподавание должно иметь в своей основе принцип последовательности и постепенности. Оно должно быть также простым и ясным; наука должна говорить обыкновенным языком, и Герцен ожесточенно нападает на воспитание, которое „надолго лишает ребенка возможности понять ясное, тем самым, что оно ему передает темное за ясное“⁴⁾. „Будьте уверены“, говорит он, „что трудных предметов нет, но есть бездна вещей, которых мы просто не знаем, и еще больше таких, которые мы знаем дурно, бессвязно, отрывочно, даже ложно. И эти-то ложные сведения еще больше нас останавливают и сбивают, чем те, которых мы вовсе не знаем“⁵⁾. Лучший метод для успешного преподавания — конкретность, и Герцен упорно призывает исходить, прежде всего, из „огромных запасов наблюдений и фактов“⁶⁾. Интересно отметить также, что цель образования Герцен видит не в сообщении возможно большего количества знаний, а в воспитании пытливости ума, любознательности, умения работать. „Мне хотелось бы не столько сообщить вам сведений, дать ответы

¹⁾ Письмо к сыну, т. X, стр. 45.

²⁾ Письмо к дочерям, т. XVI, стр. 374; Письмо к сыну, т. IX, стр. 348.

³⁾ Опыт бесед с молодыми людьми, т. IX, стр. 157.

⁴⁾ Капризы и раздумье, т. IV, стр. 396.

⁵⁾ Опыт бесед с молодыми людьми, т. IX, стр. 157.

⁶⁾ Там же, стр. 157.

на ваши вопросы“, говорит он, обращаясь к молодежи: „сколько научить вас спрашивать“¹⁾.

Таковы основные мысли Герцена по вопросам воспитания.

Но наше изложение его педагогических взглядов было бы неполным, если бы мы не остановились на его отношении к университетской жизни. Герцен неизменно уделял исключительно большое внимание вопросам университетской жизни, и это понятно, если вспомнить, какую большую общественную роль играли университеты, в частности Московский университет, в эпоху Герцена.

Действительно, студенчество 19-го века стало носителем наиболее прогрессивных идей буржуазно-демократической интеллигенции, „самым чувствительным к влияниям времени барометром“, по меткому выражению Пирогова. Оно чутко прислушивалось к зарубежному коллолу великого писателя — изгнанника.

Со своей стороны, Герцен следил с живейшим интересом за студенческим движением, наиболее любопытные страницы которого раскрываются именно с конца 50-х годов, и неизменно откликался на него.

Особенно горячий отклик Герцена встретили студенческие волнения в Петербургском университете в 1861 году, вызвавшие закрытие университета и исключение из него значительной группы студентов. Герцен ответил на эти события громовой статьей: „Исполин просыпается“. „В России закрыты университеты“, писал он: „Но куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку? Сказать вам куда? Прислушайтесь, благо тьма не мешает слушать: со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот, это — начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. В народ! к народу! — вот ваше место, изгнанники науки“...²⁾ Горячий отклик Герцена нашли также студенческие волнения в Московском университете в том же году. „К польской, к крестьянской крови“, писал по этому поводу Герцен, „прибавилась кровь лучших юношей в Петербурге и Москве... Не жалеете вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории, вами Россия входит во второе тысячелетие... Ваша кровь, во всяком случае, засвидетельствовала начало совершеннолетия и многое обличила... Она обличила сочувствие к вам всей России, готовность идти с вами со стороны молодых офицеров, со стороны всех учебных заведений... Курс за курсом, не зная этого, без формы и знаков, передавал таинственный пароль, завещанный мучениками 14 декабря, и этот пароль сказался теперь громко студентами в Петербурге и Москве. Тверская площадь прибавилась к Исаакиевской“³⁾.

Отсюда ясно, как далек Герцен был от взглядов представителей правительства и большинства академических кругов, которые полагали, что университет есть, прежде всего, место учебной работы и что студенчество должно заниматься только наукой, а не политикой. „Есть в истории народа полосы, в которые пульс усиливается и мешает обыкновенному строю“, говорит Герцен: „Спокойно, кабинетно заниматься вряд ли возможно не только молодежи, но и седым головам“⁴⁾. „Значение университетской молодежи в России совершенно иное, чем в других странах. В университетах, лицеях, академиях и неболь-

1) Там же, стр. 158.

2) Исполин просыпается, т. XI, стр. 260.

3) Третья кровь, т. XI, стр. 325 — 326.

4) Письма к противнику, т. XIX, стр. 377 — 378.

шом круге литераторов укрывалась и возросла русская мысль... там жила надежда и жили верования, там лились слезы, и сердце билось человеческим негодованием¹⁾.

И в своих взглядах на специальные, профессиональные задачи университета Герцен стоял также значительно выше своих современников. Господствовавший в его время взгляд на университет, как на школу подготовки к практической жизни, как на „фабрику специалистов“, был, конечно, чужд Герцену. Задачи университета, по Герцену, несравненно шире и не исчерпываются задачами профессиональной подготовки. Университет должен научить студентов самостоятельной научной работе. „Университет не должен оканчивать научное воспитание, его дело возбуждать вопросы, научить спрашивать“.

В заключение отметим, что Герцен был горячим сторонником женского образования. Традиционное женское воспитание встречает его ожесточенную критику.

Герцен с горечью указывает на то, что женщина предназначается всем своим воспитанием „с детских лет“ к выполнению в будущем обязанностей невесты, жены, матери. „...все воспитание женщины остается воспитанием половых отношений, около них вертится вся ее последующая жизнь... от них она бежит, к ним она бежит, и ими гордится“. „Выпутаться женщине из этого хаоса“, стать не только женщиной, но и человеком — „геройский подвиг“²⁾. Против такого воспитания резко протестует Герцен.

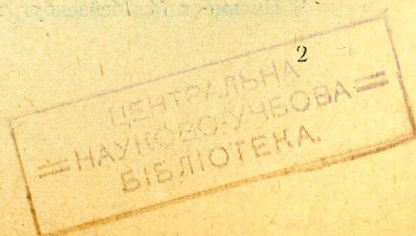
Эти мысли Герцена приобретают особый интерес на фоне официального разрешения вопроса о женском образовании в его эпоху.

Достаточно вспомнить „Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений“ принца Ольденбургского, в котором „исполнение священных обязанностей супруги и матери“, преподающей „своим детям, с самого рождения младенца, правила благочестия, добродетели и непоколебимой преданности к престолу и отечеству“, — признавалось „лучше и выше всяких познаний, исторических и географических“, или же „Правила внутреннего порядка в женских гимназиях Мариинского ведомства“, составленные Вышнеградским и утвержденные принцем Ольденбургским, в которых „тихие семейные обязанности“ рассматривались, как основное назначение женщины.

Педагогика второй половины 19-го века характеризуется колоссальным интересом к вопросам воспитания, стремлением перейти от педагогики житейской к педагогике научной, имеющей в своей основе изучение личности ребенка. Общая мысль эпохи о важности дела воспитания и о необходимости научного к нему подхода всецело разделялась Герценом. Он жестоко критикует общежитейскую педагогику, в основе которой лежат голословные утверждения, а не научно установленные знания. „Воспитание делит судьбу медицины и философии“, говорит он, „все на свете имеют о них определенные и резкие мнения, кроме тех, кто ими серьезно и долго занимался. Спросите о постройке моста, об осушении болота, человек откровенно скажет, что он не инженер, не агроном. Заговорите о водяной или чахотке, он предложит лекарство по памяти, по наслышке, по опыту своего дяди, но в воспитании он идет далее: „у меня“, говорит он, „такое правило, и я от него никогда

¹⁾ Третья кровь, т. XI, стр. 325.

²⁾ Былое и думы, т. XIII, стр. 471 — 473.

не отступаю; что касается воспитания, я шутить не люблю, это предмет слишком близкий моему сердцу“ ¹⁾).

Между тем воспитание, с точки зрения Герцена,—дело исключительной важности, требующее специального призвания. Только человек, любящий и уважающий ребенка, может быть воспитателем. „Талант воспитания, талант терпеливой любви, полной преданности, преданности хронической реже встречается, чем все другие ²⁾), говорит Герцен: „Воспитание, это — непрерывное самоотвержение и отречение, это — жертва всею жизнью“ ³⁾).

Интерес к вопросам воспитания — один из основных мотивов в произведениях Герцена. „Я всегда, всегда готов говорить о воспитании и оторваться от политики“ ⁴⁾), — так характеризует он сам свое внимание к педагогическим вопросам.

В различных произведениях Герцена разбросаны ценные педагогические замечания, имеются даже целые страницы, исключительно посвященные педагогическим вопросам. И нет сомнения в том, что эти отдельные высказывания великого русского публициста и общественного деятеля, собранные и суммированные воедино, дают даже в результате некоторую педагогическую систему, имеющую определенное историческое значение и не потерявшую актуальности в ряде своих частей и до настоящего дня.

¹⁾ Былое и думы, т. XIII, стр. 211 — 212.

²⁾ Былое и думы, т. XIII, стр. 9.

³⁾ Письмо к М. Мейзенбуг, т. VIII, стр. 100.

⁴⁾ Письмо к М. Мейзенбуг, т. VIII, стр. 66.